

УДК 94(47)
DOI: 10.15393/j14.art.2022.170
EDN: PIOAQM
Статья

Михайлова Анастасия Александровна

Петрозаводский государственный университет
Гуманитарный Инновационный Парк
Инженер Исследовательской лаборатории локальной
и микроистории Карелии (ИЛЛМИК);
Магистр истории

Научный руководитель:

Чернякова Ирина Александровна

Петрозаводский государственный университет
Институт истории, политических и социальных наук
Доцент кафедры зарубежной истории, политологии
и международных отношений;
Гуманитарный Инновационный Парк
Руководитель Исследовательской лаборатории локальной
и микроистории Карелии (ИЛЛМИК);
Старший научный сотрудник, кандидат исторических наук

УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ШВЕДСКОЙ КОРОНЫ В ИНГЕРМАНЛАНДИИ И ЗАПАДНОЙ КАРЕЛИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Аннотация. Статья посвящена изучению представлений отечественных и зарубежных историков об особенностях развития социально-экономической ситуации в захваченных шведами российских землях в условиях управления шведской королевской администрацией. Автор рассмотрела период со второй половины XVI по начало XVIII века и проанализировала, каково было положение Ингерманландии и Западной Карелии в оценках исследователей. В работе прослежено как корректировались наблюдения, заявления и выводы в зависимости от концепций, возобладавших в разные периоды времени в историографии. Показано как характеризовались жизненные обстоятельства и тяготы местного населения под властью шведской короны.

Ключевые слова: Швеция; Ингерманландия; Западная Карелия; отечественная и зарубежная историография; историографические концепции

Введение

Эпоха шведского великодержавия, длившаяся с середины XVI до начала XVIII столетия, находится в фокусе внимания множества исследователей. Особое место в рассмотрении этого вопроса всегда отводилось изучению завоеваний Швеции, простиравшихся на огромные территории далеко за её пределами. Можно уверенно утверждать, что за последние десятилетия возрос интерес к теме управленческой политики шведской короны в подконтрольных ей территориях. Однако специальных работ, обобщающих опыт историографического осмысления данного вопроса, к настоящему моменту не существует. Этим обуславливается актуальность исследования. В рамках данной статьи мы сосредоточимся на изучении положения Ингерманландии и Западной Карелии в XVII—XVIII вв. через призму историографических оценок, а также определим, как со временем видоизменялись предложенные историками концепции.

Таким образом, цель исследования — выяснить, каковы представления историографии о положении бывших российских территорий в составе шведского королевства. Задачи мы видим в том, чтобы: отследить, как интерпретируются исторические факты о положении населения Западной Карелии и Ижорской земли под шведской властью; выявить общие черты и найти различия в сложившихся историографических оценках.

Источники и методы

Для того, чтобы установить, какое развитие претерпела историография интересующей нас тематики, рассмотрим исследования советских авторов: статью Сергея Сергеевича Гадзяцкого, которая была издана в 1945 г., и труды Алексея Степановича Жербина, увидевшие свет в 1956, 1983 гг. Затем будут проанализированы работы российских учёных, изучающих эту тему в настоящее время: в частности, статьи Вадима Ибрагимовича Мусаева (2003), Валерия Евгеньевича Возгрина (2010, 2011), Ирины Александровны Черняковой (2020) и Марины Игоревны Петровой (2021). Для сопоставления взглядов и оценок, сложившиеся в отечественной историографии и в зарубежной исторической науке, обратимся к современным статьям обобщающего характера шведского историка Магнуса Мёрнера (2007) и финляндского исследователя Туво Лайтила (2020).

В качестве методологической основы исследования использован историко-сравнительный метод.

Завоевание шведами Ингерманландии и Западной Карелии

Прежде чем перейти к рассмотрению историографических представлений, сделаем небольшое отступление для того, чтобы разъяснить, как Ингерманландия и Западная Карелия оказались под властью шведского королевства. Впервые шведам удалось захватить Ижорскую землю и Корельский уезд ещё в ходе Ливонской войны (1558—1583): в 1581 г. эти территории были завоёваны полководцем Понтусом Делагарди. После этого в титуле шведского короля Юхана III (1568—1592) появилась констатация: «великий князь Ингерманландии» [13: 20]. По условиям Плюсского перемирия в 1583 г. Ингерманландия¹ и Корельский уезд² стали владе-

¹ *Корельский уезд* — один из уездов российского государства на северо-западе, приграничная часть бывшей Водской пятины Новгородской земли, включавший земли востока Карельского перешейка и Северное Приладожье.

² *Ижорская земля* — историческое название территории, населённой народом ижора. Располагается по берегам Невы, ограничивается Финским заливом, рекой Нарва и Чудским озером на западе, Ладожским озером с прилегающими к нему равнинами и рекой Лава — на востоке. На севере она граничит с Карелией по рекам Сестра и Смородинка. Южная граница Ижорских земель проходит по среднему течению рек Оредеж и Луга.

Шведская империя (1560—1815)
([https://en.wikipedia.org/wiki/File:Swedish_Empire_\(1560-1815\)_en2.png](https://en.wikipedia.org/wiki/File:Swedish_Empire_(1560-1815)_en2.png))

ниями шведской короны, но им не был дарован статус провинций. Власть здесь принадлежала генерал-губернатору, подчинявшемуся напрямую королю. Однако вскоре шведам пришлось возвратить эти земли России по Тявзинскому миру 1595 г.

С начала XVII века польское дворянство стало значительно вмешиваться во внутренние дела ослабленного и лишённого правящей династии Российского государства, поддерживая претендовавших на трон самозванцев. В 1604 г. на территорию России вторглись польские войска. Ситуация обострилась, когда летом 1608 г. сторонники Лжедмитрия II осадили Москву. Царю Василию Шуйскому пришлось обратиться за помощью к шведскому королю Карлу IX (1604—1611), давно желавшему возвратить утраченные владения.

В 1609 г. по Выборгскому договору российские власти были вынуждены пообещать передать шведскому монарху Корельский уезд в обмен на военную помощь в борьбе с польскими интервентами. Поначалу шведские войска действительно сражались на стороне русского царя,

но после нескольких поражений отказались от ведения дальнейших совместных военных действий. К этому моменту истёк оговорённый в договоре срок, по истечении которого Корела должна была перейти шведам. Однако город так и не был отдан [11: 54]. После этого шведский военный отряд оккупировал Ижорскую землю и Новгород.

В 1617 г. был подписан Столбовский мирный договор, завершивший военные действия между Швецией и Россией, длившиеся с 1610 г. Новый русский царь Михаил Фёдорович (1613—1645) вынужден был уступить Швеции четыре уезда Водской пятины (Корельский, Копорский, Ореховский, Ямской) с изъятием из титула упоминания Ижорской земли и передачей его в титулование короля Швеции [12: 162]. Помимо этого, было узаконено новое официальное название этой территории — Ингерманландия.

Шведское управление в Ингерманландии и Западной Карелии в XVII—XVIII вв.: историографические оценки

В ходе изучения историографического материала нами выделено несколько тематических блоков, в которые вписываются сюжеты, акцентируя внимание на которых исследователи характеризуют шведскую управленческую политику в Ингерманландии и Западной Карелии. Так, вполне очевидно выделяются сведения о региональном территориальном устройстве и системе административных органов, об уровне экономического развития региона, его этническом и конфессиональном составе; о социальном положении его жителей; о религиозной политике шведов в отношении православных подданных; также в историографии присутствуют некоторые данные о культуре и образовании. Остановимся на каждом блоке подробнее.

Территориальное деление и административная система

Обращает внимание, что в основном данные о территориальном делении совпадают во всех рассматриваемых исследованиях. Так, В. Е. Возгрин указывает, что в определённый промежуток времени Ингерманландия входила в состав Лифляндского генерал-губернаторства наряду с Лифляндией, Эстляндией и Карельским перешейком, а позднее была вместе с Кексгольмским леном выделена в отдельную административно-территориальную единицу [1: 35]. Отметим, однако, уточняющее замечание А. С. Жербина о том, что ещё до заключения Столбовского мира на захваченных шведами землях были образованы две губернии — Кексгольмский и Нарвский лены, во главе которых стояли шведские наместники или штатгальтеры [4: 24].

*Алексей Степанович
Жербина*

Дополняющие сведения находим в работе М. Мёрнера относительно статуса захваченных Ижорских земель, который был ниже, нежели статус Эстляндии. Последняя, более интегрированная в систему шведского государства, была присоединена по договору, в то время как приобретение Ингерманландии произошло с помощью оружия [6: 81]. Это обстоятельство, считает М. Мёрнер, определённо вносило различия в положение провинций. Кроме того, исследователь сообщает, что ландтаг¹ Ингрии был, по сути, искусственным органом, так как он созывался исключительно по инициативе генерал-губернатора, а работа его состояла только в послушном принятии установлений новых налогов.

Два примечательных момента подчёркивает и В. Е. Возгрин. Исследователь указывает, что в перешедших под власть шведской короны российских владениях к тому времени не сложи-

¹ *Ландтаг* — земский парламент; местное дворянское собрание.

Захваченные шведами земли (Кексгольмский и Нарвский лены)
на региональных картах Николы Сансона (Sanson Nicolas), 1669 и 1666 гг.
(<https://expo.oscapps.jyu.fi/s/vanhakartta/page/sanson-family-as-cartographers-of-finland>)

лось местных традиций управления, поэтому шведы начали создавать административную систему здесь фактически с нуля. Причину провала попытки учредить в Ингерманландии институт ландтагов В. Е. Возгрин объясняет тем, что в этих землях не существовало социального слоя дворянства, которое могло бы быть заинтересованным в разрешении региональных проблем [2].

Экономическое состояние региона

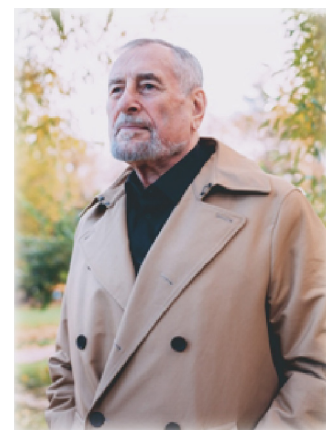
Суждения историков в целом сходны насчёт того, что оказавшиеся в составе Шведского королевства Ингерманландия и Западная Карелия, будучи территориями многократных военных столкновений, находились в состоянии упадка. М. Мёрнер и вслед за ним В. Е. Возгрин отмечают в качестве главной проблемы региона его малую заселённость, что закономерно приводило к нехватке рабочих рук [6: 83; 2]. Оба исследователя подчёркивают, что высокие налоги были введены в Ингерманландии для её экономического «оздоровления» и обновления. С. С. Гадзяцкий, напротив, полагал, что многочисленные поборы вели лишь к ухудшению хозяйственной ситуации [3: 15]. Такого же мнения придерживался и А. С. Жербин [5: 43].

В то время как В. Е. Возгрин акцентирует внимание на том, что в то время, когда Ижорская земля принадлежала Российскому государству, московское правительство не предпринимало никаких усилий для подъёма её экономического потенциала [2], С. С. Гадзяцкий со всей определённостью заметил, что этот край был разорён вражескими войсками во время военных действий в конце XVI века. И под «вражескими войсками» здесь, несомненно, имелись в виду шведы [3: 15].

М. И. Петрова, чьё исследование сосредоточено, в частности, на определении значения городов и графств Северного Приладожья в экономике Кексгольмского лена, указывает, что ведущую роль играло не только сельское хозяйство, но также различные промыслы и торговля [8: 68]. Исследователь рассматривает процесс перехода сельской торговли в города, который был весьма затруднительным и потребовал введения специальных налоговых льгот и привилегий для местных торговцев.

Положение населения, этнический состав и конфессиональная принадлежность

Относительно этнической и конфессиональной характеристик социально-демографического положения региона историографические оценки выглядят более противоречивыми. С. С. Гадзяцкий отмечал, что, несмотря на попытки шведских властей провести «онемечивание» края, он всё равно оставался преимущественно русским. К 1681 г., согласно оценке исследователя, в лютеранство из всех жителей Ижорской земли перешло всего лишь несколько дворян [3: 55]. Вместе с тем, положение крестьянского населения ухудшалось под гнётом иноземных феодалов. А. С. Жербин подчёркивал, что после присоединения Корельского уезда к Швеции активное сопротивление шведам оказывать было невозможно. Также, как не приходилось рассчитывать на поддержку ослабленного Российского государства. Поэтому единственным способом борьбы с «усиливавшимся шведским феодальным, национальным и религиозным гнётом» для местного населения было, как подчёркивал автор, переселение в Россию [5: 43].

*Валерий Евгеньевич
Возгрин*

А. С. Жербиным выделены три этапа переселения на протяжении XVII столетия [4: 43—75]. Первый этап он относил к первой его половине, характеризуя тем, что в это время принимать беженцев российским властям было запрещено, и «перебежчики» были вынуждены скрываться в вотчинах монастырей и в помещичьих имениях. Второй этап исследователь датировал периодом с конца 1650-х по начало 1660-х гг., когда действовало официальное разрешение для перехода. Последнюю треть XVII века А. С. Жербин считал третьим этапом переселения карелов в Россию. В этот период, полагал исследователь, стихийный поток «перебежчиков» двигался в основном через Олонец.

Вадим Ибрагимович
Мусаев

В. И. Мусаев, соглашаясь с тем, что вначале шведского правления большинство проживавших в Ижорских землях было русскоязычным, указывает на то, что в дальнейшем массовый уход в Россию всё же повлёк за собой существенные изменения в этническом и конфессиональном составе населения [7: 16]. В данном наблюдении с ним солидарны М. Мёрнер и В. Е. Возгрин. Более того, В. Е. Возгриным специально отмечено, что в 1690-е гг. уже три четверти ингерманландцев были лютеранами [2]. Исследователь приводит любопытные замечания о социальном положении местного населения. Он утверждает, что в Ингрии был создан специальный институт комиссаров — чиновников, занимавшихся рассмотрением крестьянских жалоб о злоупотреблениях помещиков [2]. Историк указывает и на то обстоятельство, что с началом Северной во-

йны (1700—1721) ингерманландское население, в том числе и его русская часть, выступало на стороне шведов, поскольку российские войска разоряли их дома и владения, а также угоняли некоторых жителей с целью продажи [2].

По мнению И. А. Черняковой, немаловажным обстоятельством ставшего со временем массовым бегства местного населения из шведских владений на российскую сторону было существенное понижение социального статуса крестьян-карелов. Изначально, как утверждает историк, захваченные территории рассматривалось шведским королём Густавом II Адольфом (1611—1632) как коронные земли, но впоследствии, особенно во второй период правления королевы Кристины (1632—1654), их стали раздавать в частное феодальное владение представителям шведских дворянских родов. Таким образом, к середине XVII столетия шведская знать существенно расширила присутствие в регионе благодаря пожалованиям короны [9]. Новые владельцы стали стремиться властвовать, тогда как карелы, жившие на северо-западной периферии Российского государства, издревле обладали личной свободой, самостоятельно организовали хозяйствование на земле и на коллективно-договорном обычном праве пользовались альмендой¹. Если поначалу, как указывает И. А. Чернякова, существенных изменений в их положении не произошло, за исключением возрастающего налогового обложения, то со временем началось наступление крупных феодалов-землевладельцев на крестьянские права: вмешательство в традиционное землепользование, навязывание барщинно-отработочных повинностей и даже отъём принадлежавших наиболее зажиточным из местных жителей промышленных заведений, например, мельниц [9].

И. А. Чернякова особо подчёркивает, что карельское крестьянство не могло смириться со столь серьёзными потерями в социальном положении. Именно поэтому, когда в середине XVII столетия началась Русско-шведская война (1656—1658), местное население, помня обо всех притеснениях со стороны шведских феодалов-землевладельцев, воодушевилось и стало

¹ *Альменда* — земельные угодья, находящиеся в общем пользовании всех членов одной или нескольких общин.

оказывать содействие российским войскам. Поэтому же, отмечает исследователь, после поражения русской армии многим карелам ничего не оставалось, кроме как последовать за войском на российскую сторону [9].

Т. Лайтила отмечает, что захват территории, населённой преимущественно православными, создавал определённые политические и религиозные трудности как для самой шведской короны, так и для местных жителей. Как полагает исследователь, шведам было необходимо заручиться лояльностью новых подданных, но в то же время высшие правящие круги считали, что насильственный путь обращения в лютеранство применять было бы неразумно [10]. Тем не менее, подчёркивает Т. Лайтила, шведская конфессиональная политика в карельских землях привела к недовольству православных жителей, что вылилось в ряд мятежей, и одновременно создала возможность для России попытаться отвоевать захваченные шведами земли. Исследователь подчёркивает, что, таким образом, война 1656—1661 гг.¹, сильно изменила демографическую и религиозную ситуацию в регионе, превратив его в преимущественно лютеранскую провинцию [10].

Религиозная политика

Характеризуя религиозную политику шведской короны в подчинённых территориях, авторы исследований приходят к общему мнению о том, что в отношении православного населения действительно имели место всевозможные притеснения. Именно этот фактор вкупе с различными экономическими сложностями побуждал, как утверждал С. С. Гадзяцкий, православных людей оказывать поддержку русским войскам во время русско-шведской войны 1656—1658 гг. [3: 47]. С этим суждением солидаризируется В. И. Мусаев [7: 19]. В последней по времени выхода из анализируемых нами работ М. И. Петрова ещё раз констатирует общеизвестное заключение историографии, отметив, что для распространения лютеранства использовались как идеологические, так и экономические методы и что религиозные ограничения стали одной из причин массового исхода православных карелов в пределы Российского государства [8: 62].

Точка зрения М. Мёрнера и В. Е. Возгрина в целом совпадает с изложенной выше. Однако оба исследователя добавляют, что религиозная политика Швеции в Ингрии и Карелии была разной: поначалу использовались более мягкие методы «привития» лютеранства, но со второй половины XVII века они стали ужесточаться [6: 92; 2]. Надо полагать, это было связано опять-таки с высоким уровнем эмиграции православного населения. В. Е. Возгрин подчёркивает, что инициатива использования репрессивных мер исходила в основном от местной администрации [2]. На это обстоятельство также ранее указывал и С. С. Гадзяцкий [3: 56].

Тем не менее, нельзя не отметить особо мнение В. Е. Возгрина, который полагает, что религиозная политика Швеции была непременной частью общей программы короны по выведению Ингерманландии из состояния упадка [2]. Искоренение православия, как считает исследователь, было, по мнению шведов, необходимым условием для того, чтобы новые провинции встали на один культурный и экономический уровень с остальными обитателями шведского государства.

Т. Лайтила сообщает, что условия Столбовского договора, закреплявшие в качестве главы православной церкви новгородского владыку, в теории означали конфессиональную автономию местного населения, которая предполагала наличие собственной церковной администрации и закрепляла право исповедовать православие без ограничений [10]. В действительности же, от-

¹ Прим. ред.: Военные действия длились с 1656 по 1658 г., завершающим событием стал Кардисский мирный договор 1661 г.

мечает исследователь, в трактате 1617 г. не была подробно разъяснена природа православной автономии. В нём содержался запрет на переход в пределы Российского государства для православных крестьян и священников. И хотя в то же время монахам и городским жителям уехать разрешалось, но если они этого не сделали, тоже автоматически становились шведскими подданными [10]. Таким образом, заключает исследователь, Столбовское соглашение «благоприятствовало крестьянству», многие представители которого были карелами, и дискриминировало русских, составлявших большинство среди горожан и монахов [10].

Культура и образование

Сведений о культурном развитии и системе образования в завоёванных шведами территориях в анализируемой историографии оказалось не слишком много ввиду акцентированно иных исследовательских задач. Однако некоторые наблюдения и суждения мы всё же обнаруживаем. Например, М. Мёрнер сообщает, что в Ниене и Нарве существовала широкая система начальных и средних школ, находившихся в ведении лютеран [6: 92]. В. Е. Возгрин отмечает, что в Нотеборге, Яме и Копорье были учреждены шведские школы и что в Ивангороде также появилась «элементарная школа» [2]. Помимо этого, была создана русская школа в Ниене, дававшая после её окончания право поступать в университет. По свидетельству исследователя, с 1690 г. в соответствии с королевским указом в каждом приходе должна была существовать школа для крестьянских детей. Это вызывало возмущение местного населения, которое В. Е. Возгрин объясняет двумя обстоятельствами: недовольством помещиков из-за повышения уровня грамотности крестьянства, вследствие чего на них могло возрасти число жалоб, и обеспокоенностью самих крестьян тем, что на длительное время они лишаются рабочих рук [2].

Вывод

В заключение отметим, что на наш взгляд в историографии сохраняется преимущество трактовок в вопросах о положении населения Ингерманландии и Западной Карелии в период шведского правления. Однако нельзя не заметить и проявления отхода от сложившихся ранее историографических оценок. В рамках нашего обзора это очевидно на примере блока об этническом и конфессиональном составе населения шведских провинций и социальном положении их жителей. Также это проявилось в историографических трактовках всего, что связано с экономическим развитием региона и шведской религиозной политикой. Для того, чтобы установить, в чём состоит конкретная причина подвижки мнений, следует, на наш взгляд, более детально изучить документальные источники, на которые ссылаются авторы анализируемых работ. Кроме того, нельзя исключать влияние существенных трансформаций, которые произошли и продолжают происходить в исторической науке. В дальнейшем планируется углубить сравнительно-аналитическое исследование, привлекая большее количество историографического материала и обращаясь к анализу не только выводов и суждений, но и документальной базы, на которой эти выводы и суждения основаны.

Источники и литература

Источники:

1. *Возгрин В. Е.* Ингерманландия в составе Шведской и Российской империй (XVII — начало XVIII в.) / В. Е. Возгрин // Карельский перешеек в годы войны и мира. — Санкт-Петербург, 2010. — С. 35—79.
2. *Возгрин В. Е.* История шведской империи / В. Е. Возгрин. — Текст : электронный // История шведской и датской колониальных империй. — Санкт-Петербург, 2011. — 262 с. — URL: <https://refdb.ru/look/2730885.html> (дата обращения: 07.05.2022).
3. *Гадзяцкий С. С.* Борьба русских людей Ижорской земли в XVII веке против иноземного владычества / С. С. Гадзяцкий // Исторические записки. — 1945. — Т. 16. — С. 14—57.
4. *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. — Петрозаводск: Госиздат К-Ф ССР, 1956. — 79 с.
5. *Жербин А. С.* Совместная борьба русского и карельского народов против шведской агрессии в конце XVI — начале XVII в. / А. С. Жербин // Карелы / редкол.: А. С. Жербин (отв. ред.) [и др.] / Ин-т языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР. — Петрозаводск: Карелия, 1983. — С. 38—46.
6. *Мёрнер М.* Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме. 1617—1704 гг. / М. Мёрнер // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. Материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 78—95.
7. *Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX—XX веке / В. И. Мусаев. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ИИ РАН «Нестор-История», 2003. — 450 с.
8. *Петрова М. И.* Шведские города и графства Северного Приладожья в XVII — начале XVIII века / М. И. Петрова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2021. — Т. 43, № 2. — С. 61—70.
9. *Чернякова И. А.* Генеалогический этюд: что могут поведать налоговые документы XVI—XVII вв. исследователю фамильной истории? / И. А. Чернякова. — Текст : электронный // CARELiCA: Научный электронный журнал. — 2020. № 1 (23). — С. 92—129. — URL: http://carelica.petrus.ru/2020_1/Chernyakova.pdf (дата обращения: 11.05.2022).
10. *Laitila T.* Coercion, Cooperation, Conflicts and Contempt: Orthodox-Lutheran Relations in Swedish Occupied Kexholm County, Karelia, in the Seventeenth Century / Teuvo Laitila // Entangled Religions. — 2020. — Vol. 11 (1). — DOI: <https://doi.org/10.46586/er.11.2020.8646>

Литература:

11. *Шаскольский И. П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII в. / И. П. Шаскольский. — Петрозаводск: Гос. изд-во Карело-Финской ССР, 1950. — 166 с.
12. *Шарымов А. М.* Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. Книга исследований / А. М. Шарымов. — 2-е изд. испр. и доп. — Санкт-Петербург: Изд-во Геликон Плюс, 2004. — 748 с.
13. *Шкваров А. Г.* Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142—1809 годы / А. Г. Шкваров. — Санкт-Петербург: Алетей, 2012. — 576 с.

Anastasiya Mikhailova

Petrozavodsk State University
Engineer of the Investigative Laboratory for Local
and Microhistory of Karelia (ILLMiK)
Humanitarian Innovation Park of PetrSU
Master of History

Research supervisor:

Irina A. Chernyakova

Associate Professor of Petrozavodsk State University;

Head of the Investigative Laboratory for Local and Microhistory of Karelia (ILLMiK) at the Humanitarian
Innovation Park;

Senior Researcher, Candidate of Historical Sciences

THE SWEDISH CROWN'S GOVERNING POLICY IN INGERMANLANDIA AND WESTERN KARELIA: A COMPARATIVE STUDY OF HISTORIOGRAPHY

Abstract:

The article is devoted to the study of domestic and foreign historians' views on the peculiarities of socio-economic situation development in the Russian territories, occupied by the Swedes, under the Swedish royal administration. The author has considered the period from the second half of the 16th century till the beginning of the 18th century and has analyzed the situation of Ingermanlandia and Western Karelia in the estimations of the researchers. The work traces how the observations, statements, and conclusions were adjusted depending on the concepts that prevailed in the historiography at different periods of time. It shows how the life circumstances and hardships of the local population under the Swedish crown were characterized.

Key words: Sweden; Ingermanlandia; Western Karelia; domestic and foreign historiography; historiographical concepts